

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Вся la vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не вся la vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

МАША
ТРАУБ
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ

Москва
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 65

Художественное оформление серии
С. Груздева

Трауб М.
Т 65 Пьяная стерлядь : рассказы / Маша Трауб. —
М. : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Проза
Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-66886-1

Если честно, рассказы — мой любимый жанр. Одна история из жизни персонажа. Анекдотическая или трагическая, бытовая или на грани того «что со мной такое уж точно никогда не случится». Мне нравится это «короткое дыхание», как у спринтера, когда на двух страницах можно уместить целую жизнь.

Маша Трауб

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-66886-1

© Трауб М., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Моя огромная благодарность Ксении, Ольге, Оле, Ольге Ивановне, Насте, Ларисе, а также всем женщинам, без которых наша жизнь не была бы такой, какая она есть. Всем тем, кто любит, чувствует, страдает, пускается в авантюры, живет с открытым сердцем и душой. Тем, кто не потерял способность плакать и смеяться одновременно. Тем, кто каждый день проживает так, как может прожить его только женщина.

Маша Трауб

Иван да Марья

— Катюш, ты к папе съезди, узнай, как он там...

— Хорошо, мама, съезжу.

— Подарочек ему собери какой-нибудь.

— Да, мама, не волнуйся.

Катя сидела у кровати матери, и ее трясло от бессилия, злобы и такой всепоглощающей ненависти, что ни о чем другом она даже думать не могла.

Мать умирала. Это началось лет восемь назад. Катя работала в городе, мать жила в деревне.

— Катюш, надо бы плиту по весне поменять, — позвонила ей однажды мать.

— Мам, мы же только новую поставили, два месяца назад, — удивилась Катя.

— А ты еще обещала мне стиралку на Восьмое марта подарить, — тоном капризного ребенка сказала мать.

Маша Трауб

— Так я и подарила, — еще больше удивилась Катя.

— Мне тяжело руками стирать, а старая машинка совсем не крутит, — продолжала мать, как будто не слышала.

— Mam, у тебя в ванной стоит новая машина. И плита тоже новая. Мы ее вместе выбирали. Забыла?

— Ничего я не забыла, — ответила мать обиженно. — А вот ты про меня совсем не помнишь. Живи, мать, как хочешь. А если плита взорвется? Ей же столько лет, сколько тебе! И руки у меня уже совсем не держат — выкрутить пододеяльник не могу! А тебе все равно!

— Хорошо, мам, приеду, все поменяю, — сказала Катя, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор.

Оказалось, что у матери Альцгеймер, она знала о диагнозе, но скрывала его от Кати.

Началось с плиты и стиральной машинки, которые в памяти матери остались старыми и нуждались в замене. Потом стало хуже.

— Ты почему столько времени не звонишь? — закричала мать, позвонив. Катя поговорила с ней накануне.

Пьяная стерлядь

— Мамуль, мы же вчера с тобой разговаривали...

— Я тебе уже три часа дозваниваюсь! Ты же знаешь, что я на этом новом телефоне цифр совсем не вижу. Три часа звоню и попадаю не туда. А если со мной что-то случится? Как я тебе позвоню? И кстати, почему ты не подходишь к домашнему телефону?

— Мам, я же тебе сто раз говорила — звони мне на мобильный. Я всегда с ним. Домой я только к вечеру добираюсь.

— А как звонить на твой мобильный? А сколько мне это будет стоить? Квитанция придет? Я же до сберкассы не дойду!

— Мам, у тебя там над телефоном записочка висит с цифрами. Я тебе в прошлый раз написала все. Ничего сложного.

— Мне привычнее звонить тебе на домашний. Его я помню.

— Хорошо, только не нервничай.

Катя разрывалась между работой и заботами о матери. Она платила соседке, чтобы та следила за ней, мыла полы в доме, приносила еду. Женщина оказалась хорошей, внимательной, но мать была недовольна. Каждые выходные Катя рвалась в деревню. Недалеко вроде

Маша Трауб

бы, но за субботу и воскресенье она выматывалась так, что работа в офисе ей казалась отдыхом. Катя приезжала в деревню и начинала уборку — мать жаловалась на пыль, грязные окна, пол в пятнах. Была недовольна сиделкой — та неряха, все вечно переставляет с места на место — ничего найти нельзя. И гладит плохо, с одной стороны, абы как. И полы моет шваброй, а не руками. И готовит плохо — суп и то нормальный сварить не может.

— Мам, у тебя же диета. Тебе нельзя жирное, жареное, — убеждала ее Катя.

— Это ты специально выдумала, чтобы мяса мне не покупать, — стояла на своем мать.

Когда Кате на работе предложили в командировку на две недели, она легко согласилась — хотела уехать, чтобы под любым предлогом не звонить матери, отодвинуть от себя ее болезнь.

— Мам, мне нужно уехать. Я не приеду в выходные.

— Ну и не надо. Ты и так тут целыми днями толчешься, — ответила мать. — У тебя хоть работа-то есть? Чего ты дома сидишь? Надо работать. Я в твои годы...

Катя уехала. Но сердце было беспокойно. Она так и не смогла расслабиться, отключить-

Пьяная стерлядь

ся и хоть на время забыть о том, что ее ждет дальше. Вернувшись, прямо из аэропорта она отправилась к матери.

— Ты чего? — та встретила ее на пороге, как будто ждала. — Что-то случилось?

— Нет, мам, просто приехала тебя навес-
тить.

— Так вчера же только была!

— Мам, меня не было две недели. Я только вернулась из командировки.

— Не морочь мне голову! Какая команди-
ровка? Ты же даже не работаешь! Мою пенсию
уже потратила! Сама заработать не можешь и
меня обираешь!

Кате исполнилось пятьдесят. Теперь она
осталась одна — не нужная ни матери, ни един-
ственному сыну, который жил своей жизнью.
Сыну от нее нужны были только деньги. Мате-
ри вообще не понятно, что было нужно.

Катя держалась за работу руками и ногами,
понимая, что тянуть их обоих придется до по-
следнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-
то уходить, хотя бы шесть часов не думать о
том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть
перед компьютером с остекленевшим взгля-
дом. Мать позвонит, и Катя по первым словам

Маша Трауб

будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни — ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир.

Катя с этим смирилась. Давно.

Как-то она приехала к матери, та вроде была «в себе».

— Катюш, у тебя ребенок-то есть? — вдруг ласково, жалостливо спросила мать.

— Есть, сын, твой внук, — ответила Катя.

— А откуда ребеночек? Ты же замужем не была, — удивилась мать.

Катя действительно родила сына для себя, без мужа. Но мать сделала свой вывод — раз дочь не была замужем, значит, у нее нет ребенка, значит, и внука нет.

На выходные Катя уговорила сына приехать в деревню:

— Бабушка болеет, надо ее навестить. Я тебя очень прошу.

— Она же все равно ничего не помнит. За-

Пьяная стерлядь

чем? — спросил он, не отрывая взгляда от мерцающего монитора.

— Затем! — крикнула Катя.

Сын приехал в субботу, а Катя вырвалась в деревню в воскресенье. Мать придвинула тумбочку к двери своей комнаты, забаррикадировалась и не открывала.

— Мам, открой, это я! — закричала Катя.

— Кто это? — отозвалась из-за двери мать. — Не открою!

— Что с ней? — спросила у сына Катя.

— Чокнулась, — равнодушно пожал плечами сын. — Еще вчера закрылась и не открывает.

— Мам, мама, открой! — Катя скребла дверь.

Наконец мать приоткрыла дверь на узкую щелку. Из комнаты пахнуло мочой.

— Мам, ну ты чего? — ахнула Катя.

— Быстро заходи. — Мать дернула ее за руку, втащила в комнату и опять пододвинула тумбочку. Откуда только силы взялись?

— Что ты? Что случилось?

— Мужик в дом залез. Ходит со вчерашнего вечера. Как хозяин. Убить меня пришел.

— Мам, это не вор, это твой внук. Приехал тебя проведать.

Маша Трауб

— Какой внук? У меня нет внука. Откуда? Ты еще и замуж не вышла.

Катя села на кровать, не зная, что делать дальше. Мать согласилась выйти из комнаты только после того, как внук громко прокричал, что он уходит и больше не вернется — это было чистой правдой.

Потом мать перестала узнавать даже Катю.

— Ты кто? — спрашивала она.

— Катя, твоя дочь, — терпеливо отвечала Катерина.

— А где Настя?

— Скоро придет.

Настя была той самой сиделкой, которая приглядывала за матерью в течение недели.

— Ты не так все делаешь, позови Настю, она знает, — говорила мать, когда Катя перестелила постель, мыла ее в ванной или кормила из ложечки супом. — Настя мне больше нравится, а ты совсем безрукая.

Катя уже даже не плакала. Просто кивала и звала Настю, суя ей в карман деньги за неделю и за срочный вызов в выходной день.

Нет, это еще был не конец. Еще через год мать вдруг стала узнавать Катю, ждала ее, тре-

Пьяная стерлядь

бовала приехать только ради того, чтобы задать один вопрос: «Как там Ванечка?»

— Ты к нему ездила? Съезди. Как он? — спрашивала мать Катю, когда та, измотанная, выпотрошенная, приезжала с сумками в деревню.

— Все хорошо, — отвечала Катя.

— А ты ему подарочек отвезла? Одеколон ему купила? Он любит одеколон. Не болеет он?

— Не болеет. Все нормально, — отвечала Катя и задышалась от злости.

Ванечка, Иван Петрович, был Катиным отцом, мужем матери. Бывшим. Давно бывшим. И только он остался в ее памяти, в которой стерлись дочь, внук и даже любимая Настя. Только о нем она беспокоилась, спрашивала и переживала. Больше никто для нее не существовал — только ее Ванечка. Для нее он был самым ценным, самым главным. Ее прошлым и настоящим.

Катя простить этого матери не могла. Все простила, все забыла, но в свои уже немолодые годы она становилась маленькой девочкой, которая все помнила так же остро, как и много лет назад. Ничего не прошло. Время не вылечило.

Иван Петрович Козлов — мужчина с безу-